

Аркадий Бартов

ГАВРИЛЬЧИК И ДЫШЛЕНКО

Все люди и события,
описанные здесь — подлинные.

На картине маршировали солдаты. Стальные штыки сверкали под лучами солнца. Серо-голубые мундиры сливались с прозрачной голубизной неба. Гаврильчик отошел от картины, последний раз бросил на нее прищуренный взгляд, затянулся сигаретой. И сразу закашлялся. Сдавленный хрип вырвался из пересохшего от жажды горла. Гаврильчик покачнулся, пинком ноги открыл дверь мастерской и с налитыми кровью глазами вышел на улицу.

Улица гудела и двигалась. Раздавались выстрелы. Вдали виднелись убегавшие и кричавшие от ~~ужаса~~ страха прохожие. Многие бросали камни в солдат. Выстрелы смешивались с криками перепуганных людей. Гаврильчик побежал с всклокоченными волосами, что-то выкрикивая и размахивая руками. Он бежал к Дышленко. Ужас и возбуждение охватили его. В воздухе стоял запах порохового дыма. От града камней и пуль пыль вокруг Гаврильчика стояла столбом. Несколько камней попали в него. Гаврильчик вскрикнул от боли. Нижняя губа его с запекшейся кровью дрожала и все-таки он рвался вперед туда, откуда доносились крики, к живой изгороди вооруженных камнями людей. Вдруг грянувшие одновременно выстрелы подбросили Гаврильчика в воздух. Он скорчился, тяжело перекувырнулся и упал. Жаждущая влаги земля мгновенно впитала в себя узенькие руяйки крови.

С каким-то жутким ликованием град пуль обрушился на обесмыленное тело Гаврильчика. Но уже ничего не чувствовал Гаврильчик. И уже ничего не могла его взволновать: ни штыки солдат, сверкающие под лучами солнца, ни серо-голубые мундиры, слившиеся с прозрачной голубизной неба.

Дышленко выключил видео и его усталый взгляд скользнул по покрытое пылью окно. Он подошел к картине. На картине нес-

колько серо-голубых мазков лежало на черноте асфальта, а над ними висело яркое пятно солнца. Добавив к серо-голубым мазкам два-три коричнево-красных, Дышленко почувствовал, что воротник его сорочки прилип к влажной от пота шее, вызывая не приятное ощущение. Он чувствовал, что устал, колени его подкашивались, болел позвоночник. Раздался звонок. Дышленко тяжело вздохнул, открыл дверь и увидел Гаврильчика. Поцеловав его, он ощутил соленый вкус пота и слез, от которого его передернуло. Воспаленные, с покрасневшими веками глаза Гаврильчика увлажнились и было в них слияние мгновенного с вечным. Дышленко и Гаврильчик уселись перед видео и Дышленко резким движением включил его. Наступило неловкое молчание.

На экране была видна мастерская Гаврильчика. Вдоль стен стояли стулья разной формы и цвета. В середине комнаты стояла тахта. На ней лежал Гаврильчик. Он был накрыт белой простыней, на которой обозначились квадратами складки от утюга. Пятно крахмала желтело на одной из складок.

Гаврильчик с удивлением смотрел на экран, потом заплакал. В комнате стоял терпкий удущливый запах спирта и бальзама. В нос ударял раздражающий горький запах серы. Гаврильчик встал со стула. Еще раз бросил взгляд на экран. Почувствовал, что проголосился. Рот наполнился слюной. Чувство усталости и опустошенности добавилось к боли в висках. "Хоть бы вечер выдался хороший", — подумал он и спустился на улицу.

Заалело небо на западе. Солнце холодной желтизной окрасило верхушки домов. Две полосы света и тени разделили улицу. Улицу окутали лиловые сумерки. Фонари мерцали печальным панихидным светом. В отдалении звучали голоса солдат, сливаясь с одинокими выстрелами и вскриками прохожих. Все эти звуки и краски смешались и вылились в тяжелую глухую боль. Каждой частицей своего тела ощущал Гаврильчик усталость и расслабленность. Он был как в дурмане. Покачиваясь и первоно ступая, словно паря в воздухе, подошел Гаврильчик к двери своей мастерской.

Он сидел на стуле рядом с дверью. В комнате еще чувствовался тошнотворный запах спирта и бальзама. Он не мог без боли вспомнить свою тщедушную беспомощную фигуру на тахте.

На экране рядом виднелась здоровая привлекательная женщина с высокой грудью и крутыми бедрами. Черное платье еще больше подчеркивало ее женственность. Она прижимала к сердцу смятый платок, будто придерживала грудь.. Золотисто-смуглая высокая ее шея была покрыта темными пятнами. Сеть тоненьких морщинок под голубыми глазами углубляла выражение грусти и усталости.

Гаврильчик курил, горячий сладковатый дым заполнял легкие, согревал горло. Докуренная почти до конца сигарета обжигала пальцы. Он неловко затянулся, едкий дым скользнул вверх по лицу, попал в глаза, слеза покатилась по шершавой от пыли деже. Гаврильчик вытер щеку и сразу бросились в глаза расставленные вдоль стены разномастные стулья. Какое-то бешенство овладело всем его существом, он вдруг выпрямился, вспомнил взгляд голубоглазой женщины, ее покрытую пятнами шею и высокую грудь. Неожиданно он почувствовал жалость и нежность к этой женщине с переполнившей ее безмолвной обидой, безропотно несущей на себе крест - замшелый и ненужный, тонкими пальцами прикасающей к груди платок, словно сдерживая вырывающийся оттуда тяжелый стон.

Он встал, опустив голову, открыл форточку. Щелчком вышинул во двор окурок. Горящая точка ударила о железо мусорного бака и рассыпалась в темноте множеством искринок. Он прилонился лбом к прохладной поверхности форточки. Сильно закутив нижнюю губу, пытался переждать боль от судороги в бедре. Когда боль уравновесилась, он медленно спустил губу, во рту

в горле пересошло. Стоять больше не было сил. Он сел на стул, не вынимая руку из кармана, достал из пачки сигарету, прикурил, прислонился спиной к стене. Взгляд его скользнул вверх по грязновато-серому потолку. Медленный озноб охватил ставшее тепло. Вдруг из его горла вырвался храл, переходящий ременами в свист. Храл этот так же внезапно оборвался, как начался, и сразу же вокруг воцарилась невыносимо жуткая тишина. Гаврильчик очнулся. Встал. Снова прислонился лбом к прохладной поверхности форточки. Острое до боли воспоминание ронзило его.

Гаврильчик подошел к картине.. На холсте появилась лимонная стена под белым, скорее серовато-белым потолком, окаймлен-

ным коричнево-бронзовой полоской. У стены стояла тахта с раскрытый постелью. На постели лежала женщина в раскрытом халате. На стене над постелью — темное пятно от частого прикосновения потной спины.. У женщины распущенные, прямые, как конский хвост, волосы, изогнутая шея, бугорок за тоненькой мочкой уха. Гаврильчик фиксировал трепетную истому ее черных, затененных густыми ресницами глаз — так зеркало фиксирует отражение. Он перекинул ее волосы с левого плеча на правое, затем перенес их на грудь между плечом и розовой щекой. Раскрытый халат не скрывал крутых упругих бедер и розовых икр. Выше линии подола халата виднелись красные полоски от резинок чулков.

Гаврильчик весь покрылся испариной. Боязнь и тревога охватили его, подступили к самому горлу. Он почувствовал жар в ноздрях, отошел от картины, лег на тахту. Женщину он уже не видел, только чувствовал. Воспоминание о грязноватом пятне на ярко-лимонной стене было невыносимо мучительным и беспомощным. Рука Гаврильчика напряглась, он стал растирать пальцы, скжали их в кулак до боли в суставах. Он почувствовал, что женщина присела к нему на постель, но не обернулся. Он ощутил на спине и у щек нежное, как паутина, прикосновение ее пальцев, закрыл глаза, медленно вздохнул, словно выдохнул из себя боль и отодвинулся к стене. Она уже держала его за руку, гладила плечо, по которому будто бегали мурочки, гладила осторожно, словно водила пухом. Медленная дрожь охватывала его от каждого прикосновения, каждая клетка его тела дрожала, как наэлектризованная, все сильнее нарастало ожидание. Сведенными вокруг бедер пальцами пытался остановить он нацвигающийся подобно лавине хаос чувств.

Потеряв чувство времени, не помня, как долго он пролежал на тахте, Гаврильчик встал, наконец, с нее, бросил взгляд на картину, увидел обессиленную женщину в неприбраний постели, погруженную в сладкую истому. Он видел перед собой поклонившуюся ему красоту, видел пятна, оставшиеся на ней от прикосновения его же собственных сильных пальцев.

Давно наступила ночь. Не оглядываясь больше на картину, и вышел из мастерской, спустился по лестнице, чувствуя тяжесть собственного тела. Снова ощущил он прогорклый запах

ютной спины, оставивший след на лимонной стене. Мучительным едким было воспоминание. Он вдруг ощутил горькие морщины щек, провел рукой по карману и наткнулся на пачку сигарет. Тяжело ступая, подошел к мастерской Дышленко, начал подниматься по лестнице, медленно выпуская из ноздрей дым, вытянутой вперед нижней губой ощущая его тепло. Лестница была длинной. Гаврильчик устал, весь обмяк, расслабился, рука с сигаретой застыла. Скрип двери отрезал его. Длинная тень Дышленко в нижнем белье замаячила в темноте. Дышленко всмотрелся, уздал Гаврильчика, глаза его излучили тепло и признательность. "Заходи скорей, а то простынешь", — сказал он. Они уселись у видео. Дышленко повернул ручку. Оба глубоко затянулись, вдохнули в себя дым табака.

Горящей сигаретой Дышленко запалил шнур динамита, потом сигаретой в зубах побежал, инстинктивно пригибаясь к земле. Наткнулся о ком засохшей грязи и выругался. Сигарета выпала из него изо рта. Он спокойно наклонился и поднял ее с земли. Слышал позади шипение шнура и слегка ускорил шаг. Только услел он лечь в канаву, как раздался взрыв. Сразу же передняя левая нога солдат в серо-голубых мундирах повалилась как подкошенная. И тут же он увидел перед собой бессмысленно застывшие глаза, тонкие прижатые к вискам пальцы и сжавшееся в комок тело Гаврильчика. Взрывная волна осыпала их землей и мелкими камнями. Дышленко чувствовал, как чуть подрагивало тщедушное, напоминающее ворох одежды, тело Гаврильчика. Неожиданно чувство жалости охватило Дышленко. Он накрыл своим телом Гаврильчика, ощущая грудью его дрожь. Не в силах совладать с жалостью к брезгливостью, он мысленно торопил время, отсчитывая взрывы. Время тянулось. Грохот взрывов и осипавшая их с головой земля свидетельствовали о том, что оно все-такишло. Наконец, Дышленко тыльной стороной ладони отер со лба пот, поднял Гаврильчика на руки и встал. Стряхнул с себя осипавшую ему плечи землю и медленным шагом пошел к мастерской Гаврильчика.

Гаврильчик пристально смотрел в видео. Память его маялась между прошлым, настоящим и будущим. Не в состоянии больше смотреть, он ушел. Медленно размеженным шагом прошел он

улицу и поднялся по лестнице к своей мастерской.. Открывая дверь, никак не попадая ключом в замок, он с какой-то злостью всем телом ощущал, как мучительно долго тянется время. Дверь наконец-то открылась. И сразу же бросилась в глаза расстегнутая верхняя пуговица халата женщины, и всей своей плотью ощутил он упругость и тепло розоватой груди. На пороге его качнуло. Пересохло во рту и в горле. Он опустился в кресло, руками пытался унять дрожь в коленях, отводил взгляд в сторону. Щеки и уши, холодный пот выступил на лбу, затылок и спина сделались влажными. Гаврильчик хотел собраться с мыслями, но не мог. Не знал, с чего начать. На помощь пришла она. Угадала причину прихода, и это разозлило и оскорбило его. В одно мгновение он был на ногах. С треском посыпалась на пол пуговица халата. Уже сквозь затуманенное сознание увидел он потянувшиеся к нему с жадностью полные ожидания глаза и губы.

Медленно шел Дышленко с обвисшим телом на руках. Уже подкодя к мастерской Гаврильчика увидел перед собой у воронки от взрыва приподнимающегося солдата, его грязно-серо-голубой пунцир, пыль и пот под глазами, вцепившиеся ему в пояс пальцы. Не в силах унять подступившую к горлу тошноту, Дышленко отвел ногу в сторону, размазнулся и ударил что есть силы тяжелым ботинком. Солдат свалился со свернутой челюстью в луже темной густой крови. Кровь текла изо рта и носа и сбегала тяньками ручейками по морщинистой шее.

Дышленко поднялся к дверям мастерской. Что ждало его там?

.....